

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от . . .

17. СЕН. 42.

Москва

Газета № . . .

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

КОНЦЕРТ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ К. ИВАНОВА

Немного времени прошло после первого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича, а она уже успела свершить триумфальный путь по концертным эстрадам мира. Разумеется, того мира, который яростно борется с коричневой чумой. Симфония звучит в отдаленнейших углах земного шара. Языком гнева и непримиримой ненависти она говорит о страшном зле, омрачившем мир. Она живописует уродливый лик врага. Она властно зовет к борьбе с этим врагом, вызывая к человечеству словами Прометея:

— Человек, помоги сам себе!

Язык симфонии понятен каждому, кто умеет отличить свет от мрака, любовь от злобы, кому дороги добро и справедливость, кто верит в торжество разума, в бессмертие человеческого духа.

Величайшие музыканты Америки и Европы, раскрывая перед миллионами людей партитуру Седьмой симфонии, справедливо считают, что этим актом вкладывается немалая лепта в общую борьбу прогрессивного человечества с фашизмом. Недаром так восторженно встретил новое творение советского композитора Артуро Тосканини — гениальнейший из дирижеров, художник, который один из первых на Западе наотрез отказался дышать одним воздухом с диктатором чернорубашечников и удалился в добровольное изгнание.

— Я бы хотел лично приветствовать великого представителя великой страны! — писал Шостаковичу Тосканини вскоре после исполнения им Седьмой симфонии.

Это было не выражение отвлеченного восторга музыканта. Нет. Это была демонстрация горячего сочувствия стране, которая кровью своих сыновей защищает свою землю от варваров — фашистских ваддалов.

Каждое новое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича у нас перерастает в событие не только узко художественного значения. Мы всякий раз испытываем чувство законной гордости за то, что в дни великих потрясений во всем мире первым откликнулся на эти события наш, советский, художник, и откликнулся произведением столь грандиозного масштаба.

Понятен поэтому интерес, с каким наш слушатель встретил новое исполнение в Москве Седьмой симфонии. Она прозвучала на этот раз под управлением Константина Иванова.

Путь советского дирижера совершенся на наших глазах. Его путь недлинен, ибо молод дирижер. Начало этого пути ознаменовано завоеванием первенства на дирижерском конкурсе, после чего последовали годы работы Иванова у оперного пульта в театре им. Станиславского и параллельно — интенсивная симфоническая деятельность в открытых концертах.

Кто слышал в исполнении Иванова музыку Чайковского, тот должен признать, что, быть может, нигде так вдохновенно и полно не раскрывалась индивидуальность дирижера, как в произведениях гениального русского композитора. В трактовку их Иванов влил массу поэзии, мягкой юношеской лирики.

Исполнительская речь этого дирижера всегда ярко эмоциональна, всегда несколько приподнята и взволнованна. Его сфера — мир лирики со всем разнообразием ее оттенков. Этот мир гораздо больше

питает его вдохновенно, чем пафос трагедии, чем интеллектуальные, философские начала в искусстве.

Это в значительной мере определило своеобразие трактовки Ивановым Седьмой симфонии Шостаковича.

С большим увлечением, энергией и темпераментом продирижировал Иванов все эпизоды симфонии, где проходят темы мирного, радостного бытия, еще не потревоженного войной. Очень поэтично, непринужденно и изящно прозвучало у Иванова скерцо — вторая часть симфонии: ретроспекция в прошлое, в мечты о юности, о любви, о безмятежности прошедших дней.

Лирическая индивидуальность дирижера, вероятно, невольно окрасила и те страницы партитуры Седьмой симфонии, где композитор переходит на язык иных музыкальных образов. Хочется большей значительности и вескости в раскрытии, например, третьей части (адажио), полной философской глубины и трагедийного смысла. Хочется большего драматизма и патетики в финале симфонии, хотя заключительные строки финала звучали у Иванова с волнующей экспрессией. Наконец, центральный эпизод первой части симфонии — тема войны, с потрясающей силой и конкретностью воплощенная в музыке Шостаковича, — требует, на наш взгляд, от интерпретатора еще более вдумчивого и выразительного раскрытия.

Седьмая симфония Шостаковича не успела накопить отстоявшихся традиций исполнения. Отсюда — естественная трудность, возникающая перед исполнителем. Но отсюда — и высокая радость самостоятельных творческих поисков. В процессе этих исканий, сопряженных с удачами, счастливыми находками и неизбежными промахами, находится молодой, талантливый дирижер Иванов. В этих исканиях он не будет одинок. Иванов — современник автора, создавшего Седьмую симфонию, сидящего тут же рядом и слушающего ее, начиная с момента первой репетиции и до публичного исполнения в концерте. А кто же, как не автор, лучше всего скажет исполнителю, как и чего следует добиваться впредь в трактовке его произведения? И кто, как не автор, будет первым и главным его судьей?

Но независимо ни от чего мы искренно признательны и дирижеру и первоклассному оркестру Радиокомитета за исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. За то, что после перерыва она вновь прозвучала в Москве целиком. За то волнение, которое всякий раз вызывает в нас это произведение. За чувства и мысли, которые оно будит в нас. За ненависть, которую обращена симфония против врага. За веру в победу, которую она нас заражает.

Е. Канн.